

Воспроизводимость политической системы

Андрей Рябов

Две разные интерпретации проблемы

Способность российской политической системы к воспроизводству применительно

но к реалиям президентства Владимира Путина вызывает немало споров. Те, кто считает эту систему воспроизводимой в современных условиях, отмечают, что она представляет собой логическое продолжение имеющей долгую историю российской политической традиции. В рамках этой традиции государство и государственная бюрократия выступают в качестве главного фактора развития страны, который не только формулирует цели и смыслы намечаемых им изменений, но и соответствующим образом организует и структурирует общество под эти цели. В идеологическом плане такая позиция имеет ярко выраженную охранительную окраску и используется официальными пропагандистами для доказательства глубокой укорененности нынешней политической системы в российской истории, ее органичности и безальтернативности. Другая интерпретация, кардинально противоположная первой, акцентирует внимание на том, что сформировавшаяся при Путине политическая система носит закрытый характер, ориентирована исключительно на самосохранение, неспособна к развитию и потому *не воспроизводима* в принципе. В политической дискуссии этими аргументами оперируют в основном либеральные критики Путинской системы.

Чтобы разобраться в сути этой проблемы, необходимо прежде всего определить, что

конкретно воспроизводится в ходе современной российской трансформации. Более сложной видится задача выяснения скрытых механизмов этого процесса. Для ее решения важным представляется отбор методологического инструментария, использование которого позволит не только более четко понять место и перспективы нынешней политической системы России в контексте посткоммунистической трансформации и, в более широком смысле, в многовековом процессе эволюции российской государственности, но и выяснить, что в обозримой перспективе воспроизведено быть не может.

**Связь с прошлым:
воспроизводство
традиции**

Облик Путинской системы с присущими ей атрибутами, такими как гипертрофи-

рованная роль государства, централизация власти, иерархичность, вседозволенность бюрократии, высокомерное пренебрежение к закону со стороны власть имущих и в первую очередь государственного чиновничества, неуважение к правам личности, действительно дает немало оснований говорить о ее тесной связи с российской авторитарной политической традицией. И это не простое совпадение по ряду внешних признаков, а вполне логичное развитие данной традиции в современных условиях. Фундаментальным же основанием ее, как сказано выше, является признание особой исторической роли государства в России, представляющего собой не организацию для обслуживания общества, а привилегированную корпорацию, стоящую над ним. В силу неких причин трансцендентного характера этой корпорации уготована роль быть хранительницей национальных ценностей и культурных смыслов, на этом основании из себя самой формулировать цели развития страны и, исходя из

них, руководить реализацией этих целей. Центральным элементом государственной организации и, в более широком плане, всей общественной системы является власть, которая «порождает и формирует всё (в идеалтипическом смысле), действуя со стороны, с “дистанции”. Она отделена и отдалена от этого “всего”. Сближение с ним опасно для ее природы и функционирования»¹.

¹ Пивоваров Ю. С., Фурсов А. И. «Русская Система» как попытка понимания русской истории // Полис. — 2001. — № 4. — С. 38.

Поскольку государство — это в первую очередь бюрократический аппарат, то применительно к теме субъектности политического процесса речь идет о российской государственной бюрократии, которая численно разрослась при Путине до полутора миллионов человек. Разумеется, эта корпорация не едина. Различия по месту в занимаемой государственной иерархии, ресурсообеспеченности сферы профессиональной ответственности создают для разных групп бюрократии неодинаковые возможности влиять на политический процесс. Но, несмотря на эти различия, корпоративное влияние в целом является очень сильным, если не сказать доминирующим. Бюрократия как корпорация контролирует основные ресурсы страны и оказывает решающее влияние на характер политических изменений. Вопрос, однако, состоит в том, каким образом удалось сохранить эту важнейшую российскую политическую традицию уже после начала посткоммунистической трансформации.

Внешне ответ на него может показаться очень простым. В процессе перехода прежнее советское государство не было демонтировано, а плавно эволюционировало и постепенно «вросло» в новые общественные реалии². Но подобное утверждение предлагает лишь констатацию происшедшего, но никак не анализ причин живучести прежней системы. Сейчас широко распространено мнение, что традиционная транзитологическая парадигма перехода от авторитаризма к демокра-

² Krasnov M. The Rule of Law // Between Democracy and Dictatorship. — Washington, 2004. — P. 199–201.

тии не позволяет убедительно разъяснить особенности посткоммунистической трансформации в России, прежде всего сохранение самодостаточного и неподконтрольного обществу государства и явный регресс демократического развития. В этой связи уместным выглядит обращение к теории тоталитаризма, поскольку советско-коммунистическая система была тоталитарной. При этом важно подчеркнуть, что она органично впитала в себя системообразующие элементы российской политической традиции — сильную авторитарную власть, контролирующую слабое и политически неактивное общество. Сложность здесь состоит в том, что тоталитаризм советского типа как объект изучения привлекал внимание исследователей главным образом ни пике своего развития. Когда же советская система стала разрушаться, специалисты предпочли описывать этот процесс уже с помощью иных концептуальных подходов. В период расцвета тоталитаризм представлял собой целостное явление. Как отмечал один из крупнейших исследователей тоталитарных систем Раймон Арон, «...определяя тоталитаризм, можно, разумеется, считать главным исключительное положение партии или огосударствливание хозяйственной деятельности, или идеологический террор. Но само явление получает законченный вид только тогда, когда все эти черты объединены и полностью выражены»³.

В августе 1991 г. была разрушена власть КПСС. Еще раньше исчезло идеологическое доминирование партии. Иными словами, стало происходить постепенное разрушение тоталитаризма. Однако его начавшееся разложение не означало автоматического перехода к демократическому развитию. Для этого не было ни активных гражданских структур и инициатив, ни понимания на массовом уровне целей начавшихся преобразований, ни национального со-

³ Арон Р. Демократия и тоталитаризм: Пер. с фр. — М., 1993. — С. 231.

гласия по поводу дальнейших изменений. Система демократических ценностей в общественном мнении не утвердилась. А поскольку в этой ситуации неустойчивой и неструктурированной политической среды сохранился прежний актор тоталитарной системы — государственная бюрократия, то последующее развитие событий стало вполне закономерным. В принципе бюрократия могла быть носителем российской политической традиции в трех различных сферах, касающихся институтов, ценностей и общественных отношений. Однако институты после августовской революции 1991 г. были большей частью разрушены или парализованы, ценности, по крайней мере на публичном уровне, быстро менялись. Поэтому традиция наиболее последовательно была воспроизведена в сфере общественных отношений. Началось приспособление возникавших рыночных реалий к нуждам и интересам прежней советской бюрократии. Прежде всего этот процесс затронул организацию нового политического пространства и общественных отношений, которые были «отформатированы» согласно известным представлениям и опыту. Постепенно бюрократии удалось приспособить деятельность бизнеса к своим интересам. Хотя в период возникновения финансово-промышленных «олигархий» в конце 1990-х годов казалось, что бюрократия теряет контроль над обществом. Окончательно же закрепить и оформить в неофициальных правилах патронаж государства над бизнесом удалось только в начале XXI в., в годы президентства Путина. В условиях, когда права частной собственности не гарантированы, государство в любой момент, используя широкий арсенал средств — от административного давления до судебного преследования, — может конфисковать эту собственность. Это придает институту частной собственности «условный» характер, что роднит сформировавшуюся реальность с обществен-

ными отношениями, характерными для периода классического феодализма, когда обладание собственностью обуславливалось требованиями службы на государство. В рамках системы, где бизнес рассматривается как постоянный источник «кормления» для бюрократии, формируется закрытая и неконкурентная модель «rent seeking economy», где основной мотивацией хозяйственной деятельности становится стремление к защищенному системой административных привилегий монопольному распоряжению конкретным сегментом рынка. В такой системе коррупция как явление меняет свою суть: из подкупа чиновников она превращается в форму участия бюрократии в хозяйственной жизни, в адаптацию рыночных отношений к ее интересам и видению этих отношений.

В определенном смысле Путинская система является воплощением мечты позднесоветской («брежневской») бюрократии, которая, избавившись от сталинского террора и бесконечных неопределенностей хрущевского времени, стала стремительно развивать теневой рынок административных услуг и превращаться в активного участника теневых коммерческих отношений. В идеале уже позднесоветской бюрократии хотелось бы править в обществе, где, с одной стороны, сохранялись бы базовые принципы коммунистической системы — иерархичность, корпоративные привилегии, централизация, но, с другой стороны, партийное и советское чиновничество, освобожденное от обусловленных идеологией экономических ограничений, накладываемых на нее этой системой, получило бы полное право извлекать прибыль из своего статуса в государственном аппарате. Но есть одно важное отличие путинской бюрократии от брежневской. Нынешняя бюрократия, используя благоприятную экономическую и политическую конъюнктуру, через инструменты «рыночных реформ» в социальной сфере (льгот, здравоохра-

⁴ Делягин М. Россия после Путина: Неизбежна ли в России «оранжево-зеленая» революция? — М., 2005. — С. 39.

нения, образования, жилищно-коммунального хозяйства) полностью стремится освободиться от какой-либо социальной ответственности за свою деятельность⁴. О таких возможностях брежневская бюрократия не могла и мечтать. В то же время на Западе сохраняется достаточно большое количество наивных людей, продолжающих верить, что нынешние социальные реформы отражают решительное стремление правящей элиты продвинуть страну по пути модернизации, и это предоставляет российской бюрократии возможность маскировать цели своих действий и получать для них международную легитимность.

Помимо теории тоталитаризма для понимания причин воспроизводимости российской политической традиции в условиях посткоммунистического перехода может, по-видимому, использоваться и концепция «Русской Системы» Юрия Пивоварова и Андрея Фурсова, в кратком виде изложенная в уже упоминавшейся статье⁵. Суть этой концепции в том, что Русская Система представляет собой устойчивый социальный порядок, основанный на взаимодействии трех составляющих ее элементов. Это Власть, которая является единственно значимым социальным субъектом, Популяция, т. е. население, утратившее качества субъектности, и Лишний Человек. Последний термин относится как к индивидам, так и к социальным группам, которые не были «перемолоты» Властью и не стали ее органом, но не остались при этом и частью Популяции. В дальнейшем, развивая эту концепцию, Пивоваров, ссылаясь на работу Ольги Бессоновой, пришел к выводу о цикличном характере развития Русской Системы. При этом циклы предопределяются периодами «сдачи» и «раздатка» в российской экономике, под которыми эти авторы понимают процессы перераспределения собственности и иных активов при решающей роли государства⁶. Согласно данному подходу «...очеред-

⁵ Пивоваров Ю. С., Фурсов А. И. Указ. соч.

⁶ Бессонова О. Э. Институты раздаточной экономики России. — Новосибирск, 1997. — С. 19.

ной переходный период заканчивается. Россия, используя для модернизации раздаточной экономики институты и механизмы рыночного хозяйства западного типа и для модернизации Русской Системы институты и механизмы публичной политики, “возвращается” на круги своя. При этом, стремясь “соответствовать” современному миру, задающему в нем тон Западу, решая попутно свои (точнее: господствующие групп) задачи, Россия сохраняет определенные элементы как “рынка”, так и публичной политики. Но они встроены в модернизированные и довольно серьезно трансформированные раздаточную экономику и Русскую Систему»⁷.

Важным фактором, усиливающим преемственность нынешней политической системы с авторитарными традициями российской государственности, является доминирование «силовиков» в сегодняшней правящей элите⁸. Именно эта группа, точнее, представители спецслужб наиболее последовательно выражают идеологию «служения государству», подчинения ему частных и групповых интересов. На протяжении многовековой истории России в своих крайних формах эта идеология становилась обоснованием права «слуг царевых» бесконтрольно распоряжаться собственностью и жизнями простых подданных. В этом смысле переломным событием, оказавшим заметное влияние на всю последующую историю страны, стала опричнина Ивана Грозного, которая существовала в 1565–1572 гг. В этот период территория России была официально разделена две части: опричнину, где жили «лучшие люди», пользовавшиеся доверием царя, и земщину, в которой проживала остальная, непривилегированная часть населения включая и большинство аристократии. Опричники как выразители государственной идеи и преданные «слуги царевы» имели полную свободу рук в городах и селах,

⁷ Пивоваров Ю. С. Русская политическая традиция и современность. — М., 2006. — С. 235.

⁸ Крыштановская О. Анатомия российской элиты. — М., 2005. — С. 264–290.

располагавшихся на территории земщины. На практике такая официально узаконенная вседозволенность превратилась в террор меньшинства по отношению к большинству и полное бесправие последнего. «От опричного террора страдали все обитатели земщины: и бояре, и дворяне, и их крестьяне, и жившие в городских вотчинах ремесленники, и даже целые города (Клин, Новгород). Любой вельможа или обыватель, у которого было что отнять, рисковал попасть в поле зрения опричных “силовиков”»⁹. Подобная традиция впоследствии в различных формах и с разной степенью интенсивности неоднократно воспроизводилась в российской истории. При этом террор не является обязательным элементом подобной системы. Самое главное в ней — сегрегационное разделение общества на правящее меньшинство, претензии которого на перераспределение материальных богатств закреплены либо в правовых нормах, как во времена СССР, либо неофициально, и управляемое и фактически бесправное большинство. В определенной степени с ее рудиментами страна сталкивается и ныне, когда «силовики» как носители национальных интересов и идеи государственности могут, опираясь на мощь правоохранительной системы, отобрать у любого его бизнес и собственность. История разрушения нефтяного гиганта — компании ЮКОС — лишь один из примеров, получивших мировую известность.

Достаточно широко распространено мнение, что нынешняя политическая система воспроизвела и такое фундаментальное основание прежней советской государственности, как номенклатурные властные отношения. Как правило, основанием для подобных суждений служит обращение к анализу функционирования номенклатурной системы в условиях советского общественного строя, прове-

⁹ Жарков В. Процветание как форма измены: исторический опыт России // Апология. — 2005. — № 2. — С. 90.

денному в фундаментальной работе Михаила Восленского¹⁰. Действительно, сущностные черты этой системы воспроизвелись и в условиях посткоммунистической России. По мнению Юлия Нисневича, к этим чертам следует прежде всего отнести «протекционистский механизм» назначения на руководящие должности исходя из критерия личной преданности, способность и стремление номенклатуры «проникать во все наиболее политически, экономически и социально значимые государственные, а также негосударственные институты и структуры с целью подчинения их своему влиянию»¹¹. Это означает, что такие качества, как профессионализм, компетентность, образование, моральность перестают быть ключевыми требованиями при продвижении по службе. В годы правления Путина протекционистский механизм назначения на должности в государственном аппарате и в крупнейших связанных с государством промышленных и финансовых корпорациях приобрел земляческую и корпоративную направленность. Преференции при заполнении вакансий стали получать выходцы из Петербурга и спецслужб. Кроме того, номенклатурный принцип построения государственного аппарата получил законодательное оформление — в законе «О государственной гражданской службе Российской Федерации» был отвергнут конкурсный принцип заполнения вакансий и утверждена система назначенчества.

Но в то же время, признавая номенклатурную основу современных властных отношений, нельзя не отметить, что адаптация к новым реалиям привела к серьезным изменениям в их структуре и характере. В этой связи удачным представляется предложение Михаила Афанасьева, отметившего, что эти отношения основаны на «постноменклатурном патронате». По мнению этого автора, «...данное определение отражает актуальный тип гос-

¹⁰ *Восленский М.* Номенклатура: Анатомия советского правящего класса. — М.: Захаров, 2005.

¹¹ *Нисневич Ю. А.* Политика открытыми глазами // Россия — это мы: Взгляд на перспективы социально-экономического и политического развития страны в XXI в. — М., 2005. — С. 25, 26–27.

подства (в обществе. — А. Р.) в его генезисе и развитии: приватизация социального могущества распадающейся номенклатуры; частное присвоение средств и ресурсов еще в значительной мере синкретически соединенного политического и экономического господства. Кроме того, данное определение указывает на патерналистский, “семейный”, неформальный *характер господства*, устойчиво воспроизводимый в практике отношений управляющих и управляемых, а равно и в практике взаимодействия властвующих. Наконец, данное определение характеризует наиболее действенные *средства господства* и обмена ресурсами: патрон-клиентские связи, частные союзы защиты и поддержки (“команды” и “крыши”). В условиях институциональной неопределенности личные связи и клиентарно организованные социальные сети восполняют “дефицит государства”. В то же время они подрывают официальные публичные институты, лишая их гражданского и правового содержания»¹². В этом и состоят основные отличия современной системы властных отношений от той, что существовала в советскую эпоху. Тогда ключевую роль играли институты, ныне — неинституционализованные клиентельно-патерналистские связи. В годы президентства Путина линия на усиление личной власти главы государства не привела к укреплению политических институтов. Более того, широкое распространение получила практика манипулятивного отношения к праву со стороны влиятельных групп интересов, имеющих доступ к механизмам принятия решений. В этих условиях курс на укрепление государства способствовал усилению постноменклатурного патроната во властных отношениях. Эта система «паразитирует на “укреплении государства”, на деле превращая его из механизма устойчивого национального развития в механизм собственного воспроизводства»¹³.

¹² *Афанасьев М.* Невыносимая слабость государства. — М., 2006. — С. 111.

¹³ Там же. — С. 121–122.

Итак, в процессе посткоммунистической трансформации России воспроизводятся не только традиционные формы государственности, но и властные отношения. В начале XXI столетия этот процесс ускорился в связи с завершением очередного «сдаточно-раздаточного» цикла в экономике. В этот период появился и дополнительный импульс к воспроизводству традиционной системы, поскольку устремления новых лидирующих групп, установивших полный контроль над властными институтами, совпали с массовым общественным запросом на стабильность и порядок. В данном запросе именно государство выступало гарантом решения этих проблем. Поскольку у населения России представления об эффективной государственности базировались исключительно на авторитарном опыте, а опыт демократической государственности начала 1990-х годов в этом смысле оказался неудачным, оно легко легитимировало восстановление привычных традиционных форм организации политического пространства.

**Точки разломов
и пределы
воспроизводимости**

Проблема, которая неизбежно встает перед исследователем, заключается в том,

насколько устойчива воспроизводимость политической системы в расчете на ближайшую перспективу, хотя бы после передачи власти от одного президента к следующему. Существует даже достаточно радикальная точка зрения, согласно которой уже при новом главе российского государства нынешняя система будет значительно изменена. И, стало быть, говорить в этом контексте о ее воспроизводимости не имеет смысла. Надо сказать, что подобные утверждения некорректны с точки зрения политической науки. При переходе властных полномочий от одного президента

к другому в транзитных системах типа российской, где власть персонифицирована, а институты слабы, неизбежно изменится политический режим, т. е. совокупность способов и приемов реализации власти. Но при этом с высокой долей вероятности можно предполагать, что сохранятся и нынешняя роль государства, и система властных отношений пост-номенклатурного патроната. И все же правомерно ли из этого делать вывод, что нынешняя политическая система неспособна выйти на иную парадигму развития и потому воспроизводимость этой системы сохранится надолго, если не навсегда? Думается, все же нет достаточных оснований утверждать, что политическая система современной России и дальше будет двигаться согласно алгоритмам цикличности Русской Системы. Возвращаясь к концепту разрушающегося и распадающегося тоталитаризма, можно предположить, что в точках разломов способны вырваться иные альтернативы развития, вероятно, открывающие России путь к пройденной многими странами траектории перехода от авторитаризма к демократии. Существует еще один концептуальный подход, заставляющий усомниться в устойчивости фундаментальных оснований существующей системы. Уже цитировавшийся А. Фурсов в одной из последних своих работ, анализируя внутреннее развитие нынешнего российского государства, приходит к выводу, что оно в отличие от дореволюционной и советской государственности с их ярко выраженным социальным патернализмом постепенно эволюционирует в сторону «корпорации-государства», которая, ориентируясь на реализацию интересов узких привилегированных групп, постепенно отказывается и от выполнения социальных функций, и от производства политических и культурных смыслов для общества. По мысли этого автора, «государство заботится только о тех, кто внутри,

но те, кто внутри, — это и есть корпорация»¹⁴. Однако подобная трансформация неизбежно будет подрывать основы традиционной российской государственности и Русской Системы — патернализм и идеологическое доминирование. А это значит, что и легитимация подобной Системы, и способность ее к воспроизводству будут постепенно разрушаться. Рано или поздно граждане поймут, что государство вопреки их ожиданиям не только не хочет усилить над многими из них свою социальную опеку, а, напротив, стремится полностью избавиться от подобных забот, переложив их на плечи самого населения. Да и вера в высокое предназначение государства, для которого официальные идеологические постулаты являются лишь средством обеспечения решения конкретных проблем, возникающих перед теми или иными группами элит, едва ли может оказаться устойчивой.

Итак, о каких же «разломах» внутри нынешней политической системы России, которые могут возникнуть и поставить под сомнение ее воспроизводимость, уместно вести речь?

Первый аргумент, который обычно приводится в этом случае, — данная система носит закрытый характер, что делает ее весьма уязвимой в условиях нынешнего быстро меняющегося мира, в котором регулярно появляются все новые вызовы. Анализ российской политической практики показывает, что система предпочитает (а, может быть, не умеет по-иному) действовать, исходя из стремления заранее определить перечень потенциальных угроз, и, опираясь на эти предположения, с помощью мер превентивного характера выстроить оптимальные модели реагирования. Причем содержание этих мер в решающей степени определяется централизацией управления и усилением государственного контроля над все новыми секторами общественной жизни. Например, опасения, связанные с воздействием на Рос-

¹⁴ Фурсов А. Феномен корпорации-государства // <http://www.intelros.ru/lib/statyi/fursov2.htm>.

сию украинской «оранжевой революции», в которой важную роль сыграли различные сетевые гражданские структуры, побудило правящую российскую элиту к установлению государственного контроля над всеми российскими неправительственными организациями. Активизация террористической активности на территории России всякий раз актуализирует разговоры о необходимости ужесточения контроля над Интернетом. Проблема, однако, в том, что, сталкиваясь с неожиданными, «не предполагавшимися» вызовами, система демонстрирует устойчивую неспособность своевременно и адекватно реагировать на них и быстро адаптироваться к меняющимся политическим реалиям. Так было во время террористической атаки в Беслане в сентябре 2004 г., когда руководство страны в течение двух дней пребывало в растерянности относительно дальнейших действий и в конечном счете переложило руководство операцией на силовиков регионального уровня. Так произошло в начале 2005 г., когда, шокированное неожиданными массовыми выступлениями пенсионеров против монетизации льгот, правительство вначале искренне полагало, что они были инспирированы некими таинственными оппозиционными силами. Поэтому можно с большой долей уверенности предположить, что столкновения с новыми неизвестными вызовами способны довести внутреннее напряжение в системе до опасного состояния, при котором она утрачивает работоспособность, в связи с чем возникает угроза ее самопроизвольного распада. При этом возможность реставрации системы будет существенно затруднена из-за того, что она не смогла выполнить взятые на себя обязательства обеспечения нормальной жизни страны.

Риски для нынешней системы усиливаются и в связи с тем, что на протяжении последних лет правящая элита продолжала целенаправ-

ленно перекрывать каналы обратной связи между властными институтами и обществом. Наиболее значимым здесь является выхолащивание сути процедуры альтернативных выборов. С помощью разного рода приемов (снятие с выборов через суд неугодных кандидатов и партий, прямые фальсификации итогов голосования, неравенство кандидатов в плане доступа к предвыборным ресурсам) выборы становятся абсолютно предсказуемыми, и победа «партии власти» и ее кандидатов на них заранее обеспечена. В этих условиях выборы как институт превращаются в общественном мнении в процедуру протокольного характера, с помощью которой невозможно на что бы то ни было влиять. Есть прецеденты фактического прекращения деятельности нежелательных для власти неправительственных организаций в результате судебных решений (например, межрегиональной общественной организации «Открытая Россия», занимавшейся гуманитарными и благотворительными проектами). Медиа в сложившихся условиях не способны выполнять коммуникативные функции¹⁵. Все это существенно осложняет возможности корректировки политического курса в условиях столкновения системы с новыми вызовами. Напомним, что относительно мягкая адаптация политических систем на Украине, в Грузии и Киргизии к новым условиям, возникшим в ходе «цветных» революций, оказалась возможной только благодаря тому, что институт выборов как таковой пользовался безусловным доверием населения.

Для систем типа нынешней российской серьезным источником рисков является сам процесс конституционной смены власти. Причем уровень потенциальных угроз в этом случае не зависит от степени достигнутой в стране социально-политической стабильности. Источником рисков здесь выступает отчетливо выраженный персонифицированный характер вла-

¹⁵ Липман М. Слово без дела // Коммерсантъ. — 2006. — 14 апр.

сти, заметно усилившийся в годы правления Путина. Судя по всему, в условиях распадавшейся тоталитарной системы переход к такому положению был неизбежен, поскольку КПСС как источник и носитель институционализированных процедур передачи власти перестала существовать, а для утверждения демократических механизмов реализации этого процесса при отсутствии сильного гражданского общества не было должных оснований. Для сравнения: в тех тоталитарных системах, где при переходе к рынку сохранилась власть компартий как институтов, интегрирующих всю государственную систему (Китай, Вьетнам), остались и стабильные правила и процедуры передачи власти, не привязанные к личностному фактору. В этих странах смена руководства происходит по достижении определенного возраста. Причем кланы и группы, стоящие за уходящим в отставку лидером, не рискуют ни быть вытесненными из политики, ни потерять позиции в бизнесе. В России же устойчивых политических институтов взамен КПСС новый правящий слой, как уже неоднократно отмечалось, создать так и не смог. Персонафицированная власть, тем более если ее носитель не является харизматическим лидером и популистом, опасаясь прямой опоры на широкие слои населения, неизбежно становится чувствительной, а при определенных условиях и зависимой от баланса сил внутри правящей группы («команды»). Взаимоотношения же между этими силами подчиняются логике постноменклатурного патроната. В терминах Нисневича это означает, что «...номенклатурные группировки-кланы в зависимости от конъюнктуры, складывающейся в процессе их конкуренции, постоянно видоизменяются и трансформируются, одни исчезают, и появляются новые, они сливаются и разделяются, теряют и приобретают новых членов. Это предопределяет непостоянство и непрерывную динамику изменений системы

межгрупповых и межличностных взаимодействий и взаимосвязей, а следовательно, и групповой структуры номенклатуры»¹⁶. Подобное развитие событий делает балансы сил внутри правящего слоя, являющиеся важнейшей основой персонализированной власти, весьма подвижными и неустойчивыми. В результате власть вынуждена отказываться от проведения инициативной политики и, следуя логике собственного выживания, заниматься в первую очередь поддержанием балансов между динамично меняющимися группами интересов. Все это еще больше затрудняет создание сильных институтов и устойчивых процедур. Причем в отличие от советской эпохи способность высшей власти контролировать интересы различных групп, составляющих новый правящий слой, существенно снизилась. Для них исчезли жесткие идеологические ограничители — нормы поведения, во времена СССР санкционированные системой, что делает их гораздо более мобильными.

Принципиально важным обстоятельством, осложняющим процесс передачи власти, является то, что система не имеет в массовом сознании внятного идеологического обоснования. В 1990-х годах роль такого обоснования играла идеология антикоммунизма. В годы правления Путина об идеологической составляющей политического порядка долгое время не вспоминали. Однако начало подготовки к новому национальному избирательному циклу, в котором действующий президент обещал не принимать участия, заставило правящую элиту уделить особое внимание разработке в краткие сроки «идеологии системы». Первые шаги в этом направлении уже сделаны¹⁷. Однако пока неясно, в какой степени элите удастся превратить имеющиеся наработки в систему массовых верований. Можно лишь предположить, что опыт построения новой идеологии окажется успешным лишь в том случае, если

¹⁶ Нисневич Ю. А. Указ. соч. — С. 26.

¹⁷ Суфков В. Ю. Суверенитет — это политический синоним конкурентоспособности // <http://www.edinros.ru/news.html?id=111148>; Чадаев А. Путин: Его идеология. — М., 2005; Суверенитет: Сборник / Сост. Н. Гараджа. — М., 2006.

власть на практике будет проводить патерналистскую политику по отношению к социально зависимым слоям населения, а не идти в фарватере устремлений правящего слоя, мечтающем о полном освобождении государства от социальной ответственности.

Обостряющаяся чувствительность персонифицированной власти к состоянию балансов сил вокруг нее в контексте проблемы конституционной передачи властных полномочий от одного национального лидера к другому объясняется еще и некоторыми институциональными особенностями организации власти в современной России. Страна, как следует из духа Конституции 1993 г., является суперпрезидентской республикой, в которой институт президента как главы государства фактически вознесен над всей политической системой. Президент принимает большинство важнейших политических решений, не имеет значимых институциональных сдержек и фактически находится вне сколько-нибудь действенной системы контроля. Монополизация влияния на президента со стороны какой-либо группы интересов открывает перед ней уникальные возможности для расширения экспансии в бизнесе и политике. Для проигравших же групп интересов это чревато полной потерей занимаемых позиций. В этой связи вопрос о том, кто сменит действующего президента, для российской элиты обретает онтологический характер. Цена вопроса сохранения во власти может перевесить цену достигнутой системой стабильности. Иными словами, подобная ситуация потенциально чревата созданием «точки бифуркации» в развитии системы в ходе борьбы за продвижение к власти того или иного политика.

По меньшей мере противоречивое влияние на процесс конституционной смены власти может оказать и своеобразная процедура для легитимации власти нового главы государства, ут-

вердившаяся в политической практике. Полумонархической традиции назначения преемника, восходящей еще к временам императора Петра I, который ввел ее вместо принципа передачи власти старшему сыну, объективно чужды привязки к каким-либо временным, заранее установленным циклам смены власти, неизбежным при сохранении выборов. Система научилась справляться с ситуацией, когда до выборов еще далеко, а президент настолько утратил общественное доверие, что назначение им преемника на первый взгляд может лишь навредить этому преемнику. В подобной ситуации в 1999 г. команда Ельцина выдвинула Путина, позиционировав его в публичном пространстве не как фактического преемника, а в качестве альтернативы прежнему порядку. Но остается неясным, как система работает в принципиально иной ситуации, когда выборы приближаются, а действующий президент обладает огромной популярностью, в то время как потенциальные кандидаты в преемники настолько слабы, что без помощи предшественника едва ли смогут поддерживать стабильность общественно-политической ситуации в стране.

Противоречивость процесса легитимации президента состоит и в том, что она, по меткому замечанию Алексея Кара-Мурзы, напоминает «кентаврическую» модель доставки лидера во власть. «Ее суть в том, что выдвигается человек, который, с одной стороны, является функциональным преемником действующей власти и забирает весь ее номенклатурный ресурс, а с другой стороны, позиционируется как ее стилистический оппонент»¹⁸. На прежних выборах эта модель срабатывала, но в условиях нарастания социальной напряженности она может оказаться весьма ненадежной с точки зрения воспроизводства власти из самой себя. Таким образом, механизм передачи власти ввиду своей противоречивости в политико-правовом плане представляется потенциально весь-

¹⁸ <http://www.utro.ru/articles/2005/09/06/474185.shtml>.

ма уязвимым, особенно в случаях обострения борьбы за власть внутри правящей элиты или роста давления на властные институты со стороны внесистемной оппозиции.

Неустойчивость нынешней политической системы, объективно подрывающая ее способности к дальнейшему воспроизводству, предопределяется и ее внутренне эклектичным характером. Лилия Шевцова определила это свойство как «гибридность»: «Эта система включает несовместимые принципы: рынок и дирижизм, единовластие и выборы, патернализм и социальное равнодушие, свободу и авторитаризм. Оставаясь всеядной, постсоветская система апеллирует ко всем социальным слоям населения, тем самым делая возникновение оппозиции почти невозможным»¹⁹. Появление подобной «гибридности», по-видимому, является промежуточным результатом разложения тоталитарной системы, которая, чтобы выжить и адаптироваться к новым реалиям, вынуждена искать себе точки опоры зачастую в противоположных общественных тенденциях. Одновременно «гибридность» отражает и отсутствие в стране консенсуса вокруг целей посткоммунистических преобразований, вследствие чего элиты и значительная часть общества стали по-разному воспринимать задачи политики государства в новую историческую эпоху. Для российских элит, оказавшихся неспособными в условиях доминирования экспортно-сырьевой модели экономики к ее структурной перестройке и модернизации социальной структуры общества, главной целью стало сохранение своего господства путем сдерживания социальной динамики. В целях максимизации прибылей и освобождения от социальной ответственности элиты заинтересованы в проведении жесткой политики ограничения бюджетных расходов. Массовые же слои населения, с трудом приспособившиеся к новым общественным порядкам, ожидали, что в результате реформ патерналистская роль

¹⁹ Шевцова Л. Россия — год 2006: логика политического страха // Независимая газ. — 2005. — 13 дек.

государства при осуществлении социальной политики будет усиливаться. Принципиально важным является то обстоятельство, что именно от позиции этих слоев в решающей степени зависит успешность легитимации власти правящей элиты через выборы. В результате сложилась система, которая глубоко элитарна, причем в годы правления Путина властная элита окончательно оформилась в полностью закрытую, недоступную для проникновения посторонних, основанную на родственно-земляческих связях привилегированную корпорацию. Но одновременно в целях поддержания стабильности системы и сохранения в ней своего доминирования правящая элита, стремясь доказать, что она «служит народу», вынуждена активно использовать популистские технологии. Для подтверждения мандата на пребывание у власти элиты, особенно в ходе избирательных кампаний, проводят политику расширения социальных выплат, чтобы заручиться поддержкой большей части населения, в обычный, «непредвыборный» период страдающей от курса на сокращение бюджетных расходов. Это противоречит как стратегическим интересам правящих элит, так зачастую и логике развития экономики. Возникающее таким образом внутреннее напряжение потенциально чревато возможностью разбалансировки всей системы и делегитимацией ее в глазах населения ввиду неэффективности. Если государственно-бюрократический патернализм, к которому постоянно пытается апеллировать данная система во взаимоотношениях с обществом, потеряет привлекательность в глазах населения, шансы на восстановление в будущем роли государства в его прежнем виде существенно уменьшатся.

«Гибридность» системы проявляется и в других аспектах. Система декларирует честность и приоритеты развития (например, построение «экономики знаний», развитие «человеческого капитала»), а сама создает благоприят-

ные возможности для невиданного ранее роста коррупции, заявляет о намерении добиваться повышения народного благосостояния и одновременно проводит реформы конфискационного плана. Идеальное состояние для столь эклектичной системы — статика. Например, она была хорошо сбалансированной в годы первого президентского срока Путина, когда не предпринималось попыток осуществить какие-либо социальные реформы. Как только власть начинает экономические или политические изменения, система быстро теряет внутреннее равновесие. Так, при узости социальной базы нынешней власти любые попытки провести рыночные реформы вызывают опасное напряжение в системе, что заставляет правящую элиту отказаться от первоначальных планов и возвратиться к статус-кво. В итоге возникает ситуация, когда бездействие лучше любого действия, что потенциально резко снижает способность системы реагировать на изменения политической среды.

Проблемы, обусловленные «гибридностью» системы, оказывают противоречивое влияние на характер ее взаимодействия с обществом и в такой важной сфере, как использование политических мобилизаций. Российское общество на протяжении всего трансформационного периода не выдвигало никаких мобилизационных установок, не проявляло готовности жертвовать хотя бы частью своего благосостояния во имя реализации неких высоких общенациональных целей. Такая ситуация отвечала стратегическим интересам правящей элиты, поскольку предоставляла ей дополнительные гарантии неучастия широких слоев населения в политике, отсутствия у них интереса к вопросам приватизации, коррупции, кланового подхода к распределению должностей в государственном аппарате. Таким образом, наличие демобилизационной политической среды являлось важным факто-

ром поддержания равновесия в системе. Однако возникновение разного рода вызовов периодически заставляло систему прибегать к использованию политических мобилизаций. Все эти случаи так или иначе были связаны с приближающимися выборами, которые таили для элиты угрозу потерять власть либо ставили ее перед необходимостью подтвердить мандат на управление страной на основании результатов конкурентной предвыборной борьбы. Проблема здесь состоит в том, что элитистская, антиэгалитарная по сути система для закрепления своей легитимности время от времени должна проводить мобилизации вокруг целей, которых она никогда не собирается достигать. Так, на думских выборах 1999 г. прокремлевское движение «Единство», провозгласившее своей главной задачей возрождение мощи и авторитета государства (его рекламный телевизионный ролик заканчивался словами «Мы поднимем Россию с колен!»), обвинило в развале страны прежние ельцинские элиты и объявило им в лице избирательного блока «Отечество — Вся Россия» настоящую информационно-пропагандистскую войну. Однако на самом деле наиболее влиятельная часть этих ельцинских элит не только сохранила былые позиции в правящем слое, но и, продвигая «Единство», после выборов добилась существенного их укрепления. Мобилизация аналогичного типа была использована и в ходе следующих парламентских выборов 2003 г. На этот раз для подтверждения своей легитимности правящим элитам были нужны лозунги социальной справедливости и борьбы с олигархами. Их продвижение в массы взяли на себя «партия власти» «Единая Россия» и специально созданный Кремлем для работы с левым электоратом блок «Родина». После выборов, в результате которых «Единая Россия» получила конституционное большинство в нижней палате пар-

ламента, а «Родине» удалось существенно потеснить оппозиционную КПРФ, правящая элита вместо ожидаемого расширения социальных программ начала проводить политику, связанную с жестким сокращением бюджетных расходов. Материальное благосостояние большинства «олигархов» за исключением тех, что были связаны с компанией ЮКОС, не только не пострадало, но еще более повысилось.

Разумеется, подобные мобилизации носят манипулятивный, имитационный характер. Более того, среди российских исследователей, придерживающихся официальных и охранительных позиций, появилось даже стремление доказать, что использование подобных мобилизаций является вполне нормальным для власти в любой современной стране. При этом популярным стало обращение к теории немецкого социолога Никласа Лумана²⁰, которая интерпретируется таким образом, что власть в различных общественных системах в первую очередь ориентирована на свое воспроизводство и, играя ключевую роль в системе социальных коммуникаций, активно прибегает для этого к манипулированию общественными настроениями.

Однако проблема, на наш взгляд, состоит в том, что манипулятивные возможности подобного рода «имитационных» мобилизаций не безграничны. Этот тезис подтверждается широким развитием в последние годы такого негативного явления, как великорусский этнический национализм. Не секрет, что в дозированной количестве националистические настроения использовались правящими элитами при проведении различных мобилизаций, целью которых являлись либо получение массовой поддержки антизападным подходам власти во внешней политике, либо дискредитация либеральных и демократических сил России, на протяжении последних лет неиз-

²⁰ Луман Н. Власть: Пер. с нем. — М.: Праксис, 2001.

менно представлявшихся в официальных СМИ в роли агентов внешнего влияния. Однако, и это стало очевидно уже в 2005–2006 гг., этнический национализм стал выходить из-под чьего бы то ни было контроля и превращаться в самостоятельного участника «уличной политики». Не исключено, что в случае сохранения нынешних тенденций политического развития он может превратиться во влиятельную силу, угрожающую стабильности и конституционным основам современной российской государственности. По нашему убеждению, в переходном обществе, где отсутствуют легитимированные балансы интересов между элитами и массовыми социальными слоями, манипулирование общественными настроениями не в состоянии гарантировать стабильную способность политической системы типа нынешней российской к самовоспроизводству. Неудовлетворенные массовые ожидания и интересы как фактор политики объективно ограничивают возможности эффективного манипулирования общественным мнением. Следовательно, расчет на то, что с помощью имитационных политических мобилизаций можно будет постоянно поддерживать систему в сбалансированном состоянии, выглядит весьма сомнительным.

Ограниченный потенциал политических технологий такого рода указывает на наличие еще одной серьезной проблемы, может быть, наиболее сложной для нынешней общественной системы. Она в принципе не способна создать эффективные институты и процедуры для обеспечения вертикальной мобильности в обществе. Этому в немалой степени способствует и отсутствие мобильности внутри самой властной элиты, о чем будет сказано ниже. Между тем, если вернуться к уже упоминавшейся концепции Русской Системы для анализа долгосрочных трендов в отечественной истории, нетрудно заметить, что как раз воспроизводи-

мость этой системы в значительной степени была обусловлена способностью к интеграции Лишних Людей через создание каналов социальной мобильности для представляющих их групп. Когда эта задача решалась успешно (инкорпорация казачества в государственную систему России в конце XVIII в., формирование промышленного капитализма во второй половине XIX в., сталинская индустриализация и коллективизация), система не только укреплялась, но и демонстрировала значительный потенциал для воспроизводства. Напротив, когда каналы мобильности закупоривались или оказывались недостаточными для поглощения массы Лишних Людей, система неизбежно вступала в кризисную полосу (Россия начала XX в., брежневский застой). Проблема нынешней ситуации в том, что страна исчерпала те возможности для обеспечения каналов вертикальной мобильности, которые на протяжении нескольких столетий традиционно использовались Русской Системой. Речь в первую очередь идет о проведении модернизаций сверху за счет эксплуатации человеческих ресурсов некогда многочисленного сельского населения России. В современную эпоху социальная динамика может быть обеспечена только при условии создания эффективной конкурентной среды и возможностей для общественного продвижения среднего класса. Но именно эти условия отсутствуют в сегодняшней России.

Серьезным препятствием, затрудняющим воспроизводство системы в ее нынешнем состоянии, является уже отмеченное постепенное закупоривание каналов вертикальной мобильности внутри властных элит. Вместе с Путиным во власть пришла новая генерация элиты (особенно заметным кадровое обновление стало в годы его второго президентского срока), которая в своем восхождении к кремлевским вершинам миновала несколько ступеней в государственной и бизнес-иерархии.

По этой причине новые элиты чувствовали себя неуверенно, опасаясь конкуренции со стороны прежнего ельцинского истеблишмента. Эта неуверенность побуждала их к принятию различных мер, преимущественно административного характера, по защите от конкуренции²¹. Новые элиты оформились в корпорацию, в которую не было доступа представителям других кланов и групп интересов. Ключевые позиции в государственном аппарате и компаниях с преимущественным государственным участием стали занимать исключительно выходцы из Петербурга и спецслужб. Нередко такие позиции отдаются представителям младшего поколения могущественных «питерских» кланов. Например, 25-летний сын министра обороны Сергея Иванова получил пост вице-президента в одном из ведущих финансовых институтов страны — «Газпромбанке». Сын известного «питерского» «олигарха» новой волны Владимир Ковальчук был назначен директором Департамента национальных проектов в аппарате правительства России. Сын директора ФСБ Николая Патрушева стал советником председателя совета директоров «Роснефти». Превращение правящих элит в замкнутую и изолированную не только от общества, но и от других элитных групп корпорацию таит серьезные угрозы. Результатом такого рода процессов становится неуклонное снижение профессионализма и качества принимаемых решений, что ведет к появлению проблем социально-экономического и политического характера даже там, где их вполне можно было бы избежать. Монополизация ресурсов создает серьезные основания для конфликтов между новыми и старыми элитами, которые недовольны ростом своей зависимости и утратой былых позиций. В условиях стабильного политического процесса такие конфликты носят «спящий» характер и, как правило, ничем не заявляют о своем суще-

²¹ Рябов А. «Самобытность» вместо модернизации: парадоксы российской политики в постстабилизационную эпоху / Моск. Центр Карнеги. — М.: Гендальф, 2005. — С. 38–39.

ствовании. Но при малейших признаках осложнения ситуации в стране они расконсервируются и серьезно угрожают не только стабильности, но и самому существованию данной системы. В этой связи уместно вспомнить, что все значимые политические конфликты последних 15 лет, оказавшие решающее влияние на последующий ход современной истории России — «августовская революция» 1991 г., ликвидация Верховного Совета в сентябре-октябре 1993 г., «война» между «молодыми реформаторами» в правительстве и «олигархами» в 1997—1998 гг., противостояние между ельцинской «семьей» и большей частью истеблишмента в 1999 г. — в значительной мере стали следствием глубокого раскола внутри правящей элиты. Безусловно, возникновение подобных расколов еще не является гарантией появления и утверждения на практике альтернативных проектов политического развития. Однако шанс на их появление, особенно в условиях возможной делегитимации прежней общественной модели, несомненно, возрастает.

Опасность положения, при котором у власти находится замкнутая и не обновляемая элита, заключается еще и в том, что это способствует закреплению закрытого характера всей политической системы и существенно повышает риски, связанные с возможным возникновением новых вызовов. Нельзя сказать, что проблема отсутствия притока свежих сил не волнует правящие элиты. По мере приближения к избирательному циклу 2007—2008 гг. активизировались поиски ее решения. Так, в частности, появилось предложение зарезервировать не менее 20% мест в избирательных списках «Единой России» за представителями молодежи до 28 лет. Возможно, у части правящих элит зародилось предположение, что именно из этой среды следует выращивать себе смену. Однако остается неясным, в каких взаимоотноше-

ниях новые выдвиженцы будут находиться с молодым поколением выходцев из «питерских» кланов, занимающих ныне ключевые позиции в российской политике, бизнесе и государственном управлении. Не исключено, что продвижение выходцев из «Единой России» будет ограничено лишь определенными ступенями государственной иерархии. В пользу этого предположения говорит и тот факт, что «Единая Россия» не является реальным центром принятия решений, а лишь вотирует их. И если доступ к вершинам власти для молодых «единороссов» будет закрыт, то это в скором времени неизбежно приведет к воспроизводству традиционного конфликта между «старой» и «новой» элитами.

Заключение

Развитие трансформационных процессов в посткоммунистической России демонстрирует, что, распадаясь, тоталитарная система продолжает тем не менее воспроизводить привычные для нее формы. Однако это воспроизводство носит неполный, частичный и модифицированный характер, что обусловлено необходимостью адаптации к новым мировым и внутривнутриполитическим реалиям. Поэтому, несмотря на глубокую органичность и преемственность нынешней российской политической системы предшествующим авторитарно-номенклатурным традициям, возможности воспроизводства ее в будущем выглядят весьма ограниченными в силу ее закрытости, имобильности, противоречивости процедур легитимации власти, корпоративной замкнутости правящих элит, их стремления закрепить консервативную структуру постноменклатурных властных отношений. Наличие отмеченных «разломов» в принципе может открыть возможности для постепенного перехода к иной модели социальных и политических измене-

ний, близкой к традиционной транзитологической парадигме перехода от авторитаризма к демократии.

Однако было бы некорректно утверждать, что система полностью лишена возможностей дальнейшего воспроизводства. Теоретически вероятность такого развития может быть связана с преодолением «гибридного» состояния, освобождением от элементов плюрализма и рыночности и переходом к гомогенизации ее внутреннего пространства. Системы такого типа могут быть относительно устойчивыми, поскольку проводимая их элитами политика жестко ориентирована на удовлетворение невысоких социально-экономических притязаний зависимых от государства слоев населения (стабильная занятость, устойчивые цены на товары и услуги первой необходимости, отсутствие опасений потерять достигнутый уровень благосостояния). Правда, формирование консенсуса между верхами и низами в подобных системах традиционно достигается за счет сдерживания активности наиболее продвинутых слоев населения, прежде всего крупного бизнеса и городских средних слоев. Наиболее наглядным и близким к российским реалиям примером такого рода системы в современном мире является Белоруссия Александра Лукашенко. Но в Белоруссии, в отличие от России, не проводилась приватизация основных активов национальной экономики. Поэтому в этой стране фактически отсутствует как класс крупный бизнес, что существенно упростило возможность построения там авторитарно-патерналистской модели политической системы. Высшая государственная бюрократия (номенклатура) осуществляет свое господство, опираясь на поддержку бюджетников, пенсионеров и работников силовых структур, которым обеспечивается сохранение социальных гарантий.

В России особенность ситуации заключается в том, что даже если в силу перечисленных вы-

ше причин нынешняя политическая система окажется перед лицом серьезного кризиса, наличие экономически мощного крупного капитала и относительно самостоятельных в экономическом отношении городских средних слоев будет фактором сопротивления попыткам «лукашенкизации» системы под давлением патерналистски ориентированных социальных групп. Это сопротивление может быть преодолено в результате национализации крупной собственности и установления в стране не прикрытого авторитарного режима, который в целях самосохранения будет вынужден прибегать к репрессивным мерам против недовольных. Разумеется, такая система полностью утратит способность к каким бы то ни было инновациям. Экономически она сможет существовать исключительно за счет высоких цен на нефть и газ, и при изменении к худшему мировой конъюнктуры для российского экспорта ее постигнет неизбежный крах. Поэтому, говоря об относительных способностях нынешней политической системы к воспроизводству, следует иметь в виду, что они ограничены как по возможностям социального маневрирования, так и по историческому времени.